

**Мнѣнія профессора П. Граве по вопросамъ, предложеннымъ
Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, относи-
тельно желательнаго устройства университетовъ.**

Присоединеніе нашего мнѣнія цѣликомъ къ „Докладу комиссіи, избранной Совѣтомъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета для составленія проекта мотивированныхъ отвѣтовъ на вопросы, предложенные Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, относительно желательнаго устройства университетовъ“ (Юрьевъ, 1901 г.), къ сожалѣнію является невозможнымъ. Причиною этому служить съ одной стороны то, что, будучи весьма обстоятельнымъ вначалѣ, въ концѣ (какъ, напр., вопросъ 19, пункты I, II) означенный докладъ совершенно замалчиваетъ такіе факты жизни Юрьевскаго Университета, которые, имѣя громадное значеніе для вопроса объ устройствѣ университетовъ, представляютъ дѣло совершенно въ другомъ видѣ. Съ другой стороны, доводя обстоятельность своихъ разсужденій до собственнаго указанія слабыхъ сторонъ своею проектомъ (какъ, напр., вопросъ 1, стр. 14), означенный докладъ приводитъ въ пользу его мотивы, не имѣющіе въ сущности никакого практическаго значенія въ дѣлѣ устраненія означенныхъ неудобствъ. Въ виду всего этого, идя на встрѣчу предложенію Министерства, мы считали своею обязанностью представить вниманію Начальства собственныя соображенія, причемъ будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду вышеозначенный докладъ, оставляя въ сторонѣ тѣ вопросы, взгляды по которымъ или совершенно совпадаетъ у насъ съ таковымъ-же комиссіи (какъ, напр., вопросы 3 и 5), или входятъ въ разсмотрѣніе которыхъ мы не находимъ для себя удобнымъ (какъ, напр., вопросъ 4).

Вопросъ 1. Въ виду своего знакомства, какъ съ окружающими лицами, такъ и съ условіями мѣстной жизни избираемый въ ректоры профессорскою коллегію среди персонала мѣстнаго университета имѣть неоспоримыя преимущества передъ лицомъ, назначаемымъ извнѣ, такъ какъ самыя качества его могутъ быть извѣстны окружающимъ лучше чѣмъ начальству. Къ сожалѣнію, замѣчаемое въ послѣднее время среди большинства лицъ уни-

верситетскаго персонала грустное явленіе, заключающееся въ зараженіи совѣмъ не соотвѣтствующимъ современному политическому состоянію международныхъ отношеній, моднымъ космополитизмомъ, заставляетъ опасаться несомнѣннаго перевѣса голосовъ той партіи, кандидатомъ которой можетъ явиться лицо съ нежелательнымъ для государственнаго дѣла образомъ мыслей. Въ силу этого является болѣе цѣлесообразнымъ назначеніе ректора Правительствомъ, который, будучи обязанъ своимъ избраніемъ только ему, можно надѣяться, будетъ проводить въ университетскую жизнь и слѣдовать полученнымъ имъ отъ Высшей власти, согласнымъ съ духомъ государства, предписаніямъ. Выгоды того и другого способа выбора является возможнымъ въ данномъ случаѣ соединить, предоставляя на избраніе профессорской коллегіи тѣхъ или другихъ, изъ намѣченныхъ Правительствомъ, кандидатовъ изъ числа лицъ мѣстнаго университетскаго персонала, извѣстныхъ ему за людей государственнаго образа мыслей. При этомъ мы совершенно отказываемся понимать, почему такой „назначенный правительствомъ ректоръ, по мнѣнію комиссіи, своихъ функцій правильно отправлять не можетъ“ (докладъ, стр. 11) и почему „назначеніе ректора правительствомъ ведетъ неизбѣжно къ его столкновеніямъ съ членами коллегіи“ (докладъ, стр. 13). Подобный взглядъ на вышеупомянутыя, грустныя для государственной жизни послѣдствія назначенія должностныхъ лицъ правительствомъ является для насъ тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что ничего такого, благодаря Бога, не засвидѣтельствовано до сего времени ни исторію Россійскихъ государственныхъ учрежденій вообще ни университетовъ въ частности и если, напр., политика шведомановъ въ Финляндіи и влечетъ за собою разныя, неумѣстныя съ ихъ стороны, выходки противъ Правительства, то это является только полезнымъ для тамошняго генераль-губернатора, указывая ему, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и давая поводъ къ ускоренію принятія соотвѣтствующихъ мѣръ противъ подобныхъ безобразій. Такому-же способу избранія можно слѣдовать и при назначеніи декановъ, выбирая ректора на три и декановъ на два года, меньшій срокъ пребыванія въ каковыхъ должностяхъ является неудобнымъ въ виду необходимости ознакомиться съ новыми обязанностями. На случай забаллотировки правительственныхъ кандидатовъ право выбора изъ нихъ остается за правительствомъ. Что касается постановки должностей ректора и декановъ, то, сохраняя таковыя въ смыслѣ устава 1884 г., желательны, какъ полное подчиненіе ректору должности инспектора студентовъ, такъ и большія полномочія и средства ректора для подавленія, могущихъ на будущее время возникнуть среди студентовъ въ стѣнахъ университета, безпорядковъ, приводившихъ почти всегда до сего времени, какъ къ весьма нежелательному и вредному для нормальнаго хода занятій благомыслящихъ студентовъ, такъ и къ крайне унижительному для университета прекращенію въ немъ лекцій.

Вопросъ 2. Не видя особенной надобности въ дѣлахъ сохраненія для профессора возможно большаго свободнаго времени для занятій наукою и не отвлеченія его посторонними этому дѣлу предметами въ отступленіи въ вопросѣ о распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ и совѣта отъ устава 1884 г., мы считаемъ несравненно болѣе важнымъ введеніе въ уставъ университетовъ возможно болѣе точныхъ правилъ о способахъ рѣшеній всѣхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію того или другого вѣдомства, дѣлъ. Основаніемъ этому служатъ высказываемыя различными лицами мнѣнія: о необходимости „полной свободы для факультета въ выборѣ какъ срока, такъ и состава и формы испытаній“ (заключенія Физико-Математическаго Факультета, стр. 5); о возможности „предоставленія студентамъ сдавать экзамены въ любой, избранный по соглашенію съ экзаменаторомъ срокъ“ (стр. 6); въ случаѣ неудачнаго исхода экзамена приступать къ переэкзаменовкѣ хоть чрезъ недѣлю, что не разъ имѣло мѣсто и на практикѣ; о возможности „награжденія медалями за какую угодно, хотя-бы и не заданную для соисканія наградъ, тему“ (стр. 6) и т. п.; неоднократные случаи присужденія ученыхъ степеней за далеко не удовлетворяющія соответствующему званію работы и т. д.. Очевидно, что возможность существованія подобнаго произвола въ рѣшеніи дѣлъ факультета со стороны отдѣльных лицъ устраняетъ самое понятіе о факультетскомъ рѣшеніи и вноситъ крайне нежелательный для правильнаго хода университетской жизни безпорядокъ, отвлекая, напр., студента при сдачѣ экзамена среди учебнаго года по одному предмету отъ правильныхъ занятій и хотя-бы посѣщенія лекцій по другому. Соглашаясь въ принципѣ съ мнѣніемъ комиссіи (докладъ, стр. 21), что, „учено-учебная дѣятельность, составляющая первую и главную заботу факультетовъ, должна была-бы предоставлять вѣдѣнію факультетовъ вопросы о правильности и полнотѣ университетскаго преподаванія, составленіе его программъ и правилъ и т. п.“, опять таки неоднократное отступленіе отъ нормальнаго веденія дѣла, возможное на практикѣ и заключающееся въ несвоевременности слушанія студентами различныхъ курсовъ, полное отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ и т. п., является устранимымъ только при существованіи точныхъ правилъ въ уставѣ университета, въ каковомъ случаѣ подобные вопросы конечно всего ближе подлежатъ вѣдѣнію факультетовъ, будучи освобождены при ихъ рѣшеніи отъ вреднаго вліянія той-же возможной партійности. Высказанныя соображенія позволяютъ намъ при условіи существованія въ университетскомъ уставѣ точныхъ правилъ рѣшенія главнѣйшихъ вопросовъ университетской жизни присоединиться по вопросу о распредѣленіи ихъ по различнымъ вѣдомствамъ къ мнѣнію большинства русскихъ университетовъ.

Вопросъ 6. Исходя изъ того мнѣнія, что для лица, честно и добросовѣстно исполняющаго свои обязанности, никакой контроль не только не можетъ являться оскорбительнымъ, но напротивъ служить доказательствомъ его опытности и способности веденія дѣла, въ случаѣ наличности таковыхъ

качествъ, мы считали-бы самымъ удобнымъ для профессора съ виѣшной стороны контролемъ настоящій способъ удостовѣренія аккуратности посѣщенія имъ лекцій инспекціею въ противоположность расписыванію имъ самимъ въ книгахъ (докладъ комиссіи, стр. 56, заключенія Ф. М. фак. стр. 3), не имѣющему никакого смысла, такъ какъ въ способности профессора писать можно не сомнѣваться, ничего-же другого оно не даетъ. Что-же касается внутренней стороны контроля со стороны самого факультета, то, съ одной стороны, таковымъ можетъ служить установленіе точныхъ и возможно подробныхъ программъ по главнымъ предметамъ, общихъ для всѣхъ русскихъ университетовъ, и представленіе таковыхъ приватъ-доцентами въ случаѣ объявленія ими необязательныхъ курсовъ, точное выполненіе которыхъ можетъ быть провѣрено на экзаменахъ. Съ другой стороны, не менѣе важнымъ способомъ контроля и обезпеченія надлежащаго отношенія къ дѣлу является устраненіе всякаго рода отпусковъ и командировокъ въ учебное время, которые обыкновенно влекутъ за собою неизбежное неокончаніе курса и такимъ образомъ неполученіе студентомъ надлежащихъ свѣдѣній по изучаемому предмету. Неудобство означенныхъ отпусковъ нисколько не устраняется воображаемою возможностью прочтенія курса въ болѣе короткій противъ нормальнаго срока періодъ при удвоенномъ числѣ часовъ лекцій, такъ какъ подобное чтеніе, сводясь къ простой диктовкѣ курса, является весьма трудно усвояемымъ для слушателей, въ виду чего подобные отпуска въ учебное время могутъ быть допускаемы только при условіи возможности замѣны одного лектора другимъ. Обязательство-же выполнять разъ намѣченную, общую для всѣхъ университетовъ программу по обязательнымъ для студентовъ предметамъ никоимъ образомъ не можетъ явиться ни тормазомъ въ наукѣ, ни стѣсненіемъ для лектора, въ виду существованія необязательныхъ, дополнительныхъ курсовъ, дающихъ возможность послѣднему выйти изъ предѣловъ, указанныхъ программой.

Вопросъ 10. Соглашаясь исполнѣ, но только въ этомъ одномъ съ тѣмъ взглядомъ комиссіи, что „для подъема университетскаго образованія требуется повышеніе образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ (стр. 74), мы видимъ первое средство къ этому въ контингентѣ университетскихъ слушателей „не иссушившихъ умъ наукою бесплодной“ сухого классицизма, разочаровавшаго многихъ въ преимуществахъ образованія и являющагося для многихъ университетскихъ курсовъ положительно бесполезнымъ; разшатавшаго здоровье многихъ изъ извѣстныхъ намъ первыхъ учениковъ классическихъ гимназій даже до ихъ смерти, несомнѣнно долженствующаго уступить мѣсто знакомству съ новыми языками, столь необходимыми при знакомствѣ съ современною ученою литературою. Такъ какъ достиженіе всего этого уже составляетъ ко благу русскаго народа заботу новаго Министерства, то намъ только остается засвидѣтельствовать, добытый собственною личною преподавательскою дѣятельностью, фактъ несомнѣнно большей способности

къ воспринятію математическихъ истинъ у реалиста старшаго класса сравнительно съ таковою-же у классика и ожидать отъ средней школы существенной помощи университету, какъ въ ознакомленіи учащагося по крайней мѣрѣ съ двумя новыми языками, такъ и въ возбужденіи въ немъ жажды знаній путемъ преподаванія ему имѣющихъ жизненный интересъ истинъ*). Что касается самого университета, то его главною заботою „для привлеченія студентовъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ“ должно быть стремленіе, чтобы преподаваемые слушателямъ теоретическія истины находили практическое примѣненіе, средствомъ къ чему является усиленіе практическихъ занятій, рекомендованныхъ университетамъ еще прошлымъ Министерствомъ; расширение студенческихъ библіотекъ, законченность читаемыхъ курсовъ и не отвлеченіе студентовъ отъ правильныхъ занятій существующими, напр., въ Юрьевскомъ университетѣ полугодичными экзаменами, оказывающими, какъ это показываетъ практика, весьма вредное вліяніе на усовершенствованіе студентовъ въ прослушанномъ. Наконецъ, такъ какъ студенческія волненія послѣдняго времени указываютъ на общую студенческую молодежь, какъ на лицъ, далеко не усвоившихъ правильного взгляда на вещи, для достиженія вышеуказанной цѣли не менѣе важнымъ является развитіе въ студенчествѣ болѣе серьезнаго отношенія, какъ къ текущимъ лекціямъ, такъ и взгляда на предстоящіе имъ экзамены, которые при условіи сдачи ихъ когда угодно (заключеніе Ф. М. факультета, стр. 6) и возможности повторенія ихъ (перезаменовокъ) хотя черезъ недѣлю являются для большинства изъ нихъ дѣломъ; едвали стоящимъ серьезнаго къ нему отношенія, что умаляетъ въ глазахъ студентовъ авторитетъ самого экзаменатора. Поэтому мы считаемъ крайне необходимымъ установленіе опредѣленнаго времени экзаменовъ, напр., согласно уставу 1884 г. разъ въ году въ концѣ весенняго полугодія при условіи возможности перезаменовокъ (только въ случаѣ полученія неудовлетворительной отмѣтки) не ранѣе какъ черезъ годъ и при болѣе серьезномъ отношеніи къ нимъ экзаменаторовъ. Что касается самой формы экзаменовъ, то при условіи устраненія возможности пользованія во время ихъ постороннею помощію или пособиями наиболѣе совершенными изъ таковыхъ являются письменные, которые, гарантируя экзаменующагося отъ волненія и давая возможность лицу знающему собраться съ мыслями, всегда будутъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ оцѣнки знаній. Относительно-же вопроса объ обязательности посѣщенія студентами лекцій, возможность игнорированія въ видѣ демонстраціи лекцій вполне достойнаго въ научномъ отношеніи профессора, хотя можетъ быть и строгаго экзаменатора, какъ это имѣло мѣсто не разъ во время студенческихъ волненій, заставляетъ рѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ. Наконецъ, такъ какъ ежегодный опытъ указываетъ на то, что лица, ищущія существующей въ Юрьевскомъ университетѣ степени кандидата,

*) Заключение Медицинскаго Факультета, стр. 3—4.

будучи заняты въ теченіи послѣдняго года пребыванія въ университетѣ изготовленіемъ соотвѣтствующей работы, постоянно отвлекающей ихъ отъ правильного, равномернаго отношенія къ изученію всѣхъ, преподаваемыхъ имъ предметовъ, почти совершенно игнорируютъ курсъ послѣдняго года или оказываются въ немъ весьма слабыми, то, не имѣя ничего противъ сохраненія подобной степени, мы находимъ нормальнымъ для студента занятіе изготовленіемъ кандидатской диссертациі только по окончаніи имъ слушанія всего университетскаго курса.

Вопросы 12 и 13. Признавая несомнѣнно желательнымъ предоставленіе служебныхъ правъ лицамъ, получающимъ университетскій дипломъ, и видя въ этомъ, какъ одно изъ средствъ пріохотить студентовъ къ занятіямъ, такъ и облегченіе для государства при принятіи на службу лицъ, пригодныхъ для того или другого рода дѣятельности, мы считаемъ это возможнымъ только при болѣе серіозномъ и строгомъ отношеніи экзаменаторовъ къ своему дѣлу и вообще при упорядоченіи экзаменовъ, не придавая при осуществленіи этого условія особеннаго значенія тому, будутъ ли они университетскими или „государственными“. Имѣя въ виду, что русскіе университеты суть учрежденія государственныя и слѣдовательно самыя университетскіе экзамены должны были-бы быть въ то-же время „государственными“, что избавило-бы правительство въ тоже время отъ лишнихъ расходовъ по организациі особыхъ экзаменаціонныхъ комиссій, мы находимъ это осуществимымъ только при коренномъ преобразованіи университетскихъ экзаменовъ, которые, происходя обыкновенно въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, на скорую руку, допускаютъ благоприятный исходъ ихъ для лицъ, едва ли того заслуживающихъ. Настаивая, поэтому, еще разъ на установленіи опредѣленнаго, годичнаго срока для университетскихъ экзаменовъ, мы можемъ считать таковыя соотвѣтствующими значенію, представляемому университетскимъ дипломомъ, предоставляющимъ обладателю стужебныя права, только при слѣдующихъ условіяхъ ихъ производства. Для обезпеченія спокойнаго отношенія экзаменаторовъ къ своему дѣлу экзамены должны производиться во время свободное отъ университетскихъ занятій при условіяхъ способныхъ устранить всякую мысль о возможности для экзаменующагося пользованія, напр., при изготовленіи письменнаго отвѣта пособіями или постороннею помощію. Для возможности обезпечить болѣе безпристрастное отношеніе экзаменатора къ экзаменуемому и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать, какъ серіозное его производство экзамена, такъ и самую способность такого производства съ научной точки зрѣнія, экзаменующіеся могутъ быть распределяемы по различнымъ русскимъ университетамъ возможно равномерно, облегчая въ случаѣ надобности проѣздъ уменьшеніемъ желѣзнодорожнаго тарифа. Въ каждомъ университетѣ конечно найдется для cadaго предмета соотвѣтствующій спеціалистъ; для устраненія же неудобствъ, представляемыхъ постороннимъ чтенію лекцій экзаменаторомъ, и огражденія экзаменующагося отъ его произвола экзамены подобнаго рода,

которые можно будет назвать „государственными — университетскими,“ должны производиться по определенным, утвержденным университетским уставом, программам.

Вопросъ 14. Вполнѣ присоединяясь къ высказанному комиссіею мнѣнію (докладъ, стр. 98), что „никакихъ спеціальныхъ мѣръ въ искусственному сближенію и къ усиленію воспитательнаго вліянія профессоровъ на студентовъ принято быть не можетъ и не должно,“ что „сближеніе является результатомъ личныхъ качествъ профессоровъ и студентовъ“ (стр. 91) и иногда случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, считаемъ своимъ долгомъ самымъ категорическимъ образомъ высказаться противъ совершенно ошибочнаго мнѣнія комиссіи: будто-бы возможность для профессоровъ своею властію (стр. 94) разрѣшать вопросы о переекзаменовкахъ, отсрочкахъ экзаменовъ, объ измѣненіи программъ (стр. 95) и т. п. можетъ служить средствомъ къ такому сближенію. Высказываясь такимъ образомъ и возставая противъ искусственныхъ мѣръ, комиссія самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ сама себѣ, ибо предлагаемая ею средства и будутъ именно этими искусственными средствами къ сближенію студента съ профессоромъ только на то время, когда первому понадобится выхлопотать у второго внѣсрочную переекзаменовку, отсрочить экзаменъ, или выбросить изъ объема предстоящаго для сдачи курса тотъ или другой изъ плохо усвоенныхъ имъ отдѣловъ этого курса. Обусловленная этими аномаліями зависимость студента отъ профессора и вызываемое ими сближеніе тотчасъ же исчезнуть по минованіи для студента указанной надобности, а между тѣмъ отступленіе отъ обычныхъ правилъ университетской жизни и постоянная возможность ихъ обойти путемъ заискиванія у профессора несомнѣнно приведутъ къ умаленію въ глазахъ студента значенія и всего университетскаго дѣла. Кромѣ того вышеуказанная система приведетъ къ тому, что не университетъ будетъ заботиться о студентѣ, руководя его занятіями, указывая ему время экзаменовъ, все нужное для усвоенія и т. д., а самъ студентъ будетъ постоянно отвлекаться отъ нормальнаго хода занятій заботами о самомъ себѣ, не зная часто, какъ ему лучше поступить, и основывая весь успѣхъ благопріятнаго окончанія для него университетскаго курса на томъ, чтобы заручиться вниманіемъ возможно большаго числа профессоровъ, изъ которыхъ многіе, какъ это часто показываетъ опытъ, основываютъ свой благопріятный отзывъ о студентѣ вовсе не на его научныхъ успѣхахъ а единственно на большемъ или меньшемъ личномъ знакомствѣ съ нимъ. Между тѣмъ ежедневный опытъ служитъ доказательствомъ тому, что пользующіеся популярностью въ силу своихъ нравственныхъ качествъ или преподавательской опытности профессора являются часто главными совѣтниками совершенно неизвѣстныхъ имъ раньше студентовъ въ такихъ дѣлахъ, которыя прямо отъ нихъ и независятъ, хотя и касаются той же университетской жизни.

Вопросы 15 и 19 (II) (стр. 140). Исходя изъ того неопровержимаго факта, что существованіе каждой самостоятельной организаціи, будучи связано съ наблюденіемъ за ходомъ ея дѣль, имѣя слѣдствіемъ болѣе частыя чѣмъ въ противномъ случаѣ собранія ея членовъ, посвященныя обсужденію, какъ касающихся ея, такъ нерѣдко и совершенно выходящихъ изъ ея устава дѣль; имѣя въ виду, что главнѣйшая, хотя часто и не выраженная прямо уставомъ, цѣль такихъ организацій состоитъ въ обезпеченіи ихъ членамъ пріятнаго время-препровожденія, мы считали-бы существованіе такихъ сообществъ для студентовъ нежелательнымъ, такъ какъ прямымъ слѣдствіемъ ихъ явится еще большее отвлеченіе отъ занятій тѣхъ студентовъ, которые имѣютъ не мало развлеченій и безъ нихъ, и въ тоже время значительный соблазнъ для занимающихся. Самымъ лучшимъ доказательствомъ справедливости высказаннаго является исторія жизни германскихъ корпорацій, отличительнымъ времяпрепровожденіемъ членовъ которыхъ служатъ систематическія попойки и дуэли между членами различныхъ обществъ, слѣды которыхъ на обнаженныхъ частяхъ тѣла считаются высшимъ и завиднымъ отличіемъ, причемъ о правильности занятій при подобныхъ условіяхъ странно было-бы и думать. Что-же касается студенческихъ сообществъ — землячествъ, то кромѣ вышеуказаннаго мы считаемъ ихъ совершенно невозможными съ той еще точки зрѣнія, что ихъ косвенное слѣдствіе, можетъ быть вовсе не преслѣдуемое ихъ членами, всетаки состояло-бы въ изоляціи отъ остальныхъ жителей извѣстной мѣстности, что никоимъ образомъ не можетъ быть признано желательнымъ для такой обширной имперіи какъ Россія, одною изъ главныхъ задачъ политики которой должно составлять возможно тѣснѣйшее сближеніе ея подданныхъ всего ея обширнаго пространства. Землячества, напр. привислянцевъ, въ извѣстныхъ случаяхъ могли-бы привести къ весьма печальнымъ явленіямъ, вся-же ненормальность построенныхъ на почвѣ землячества обществъ студентовъ проявляется съ особенною рельефностью на различныхъ Юрьевскихъ студенческихъ корпораціяхъ, о которыхъ докладъ комиссіи говорить на стр. 140. „Если ни въ названіяхъ, ни въ официальныхъ правилахъ Юрьевскихъ корпорацій не выражается общенѣмецкая тенденція этихъ землячествъ, то все же имѣется много данныхъ для утвержденія, что Юрьевскія корпораціи — общества чисто нѣмецкія, принимающія въ свою среду лишь такихъ латышей, эстовъ, поляковъ, русскихъ, которые онѣмечились въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или охотно идутъ на встрѣчу германизации“ (Студенческія корпораціи при Юрьевскомъ университетѣ,“ изъ газеты „Рижскій Вѣстникъ,“ Рига, 12-го Мая 1901 г). „Это — учрежденія чисто германскія, которыя и въ Россіи явно преслѣдуютъ пменно германскія тенденціи“ (Выработанный профессоромъ Б. И. Срезневскимъ докладъ о сужденіяхъ Правленія, стр. 5). Вся ненормальность существованія подобныхъ обществъ, членами которыхъ являются дѣти русскихъ подданныхъ, заключается въ совершенномъ изгнаніи между ихъ членами русскаго языка;

полное отчужденіе отъ всего русскаго въ смыслѣ отстраненія отъ какихъ-либо сношеній съ русскими студентами, торговцами, ремесленниками; случаи публичнаго оскорбленія лицъ русскаго происхожденія, военныхъ и т. п.; полное пренебреженіе къ событіямъ русской жизни вродѣ нежеланія украшать свои помѣщенія россійскими флагами въ дни Тезоименитства Особъ Императорской Фамиліи и т. д., такъ что „принципіально исключенное команомъ этихъ обществъ преслѣдованіе какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей“, какъ это говоритъ докладъ комиссіи (стр. 142), на самомъ дѣлѣ составляетъ ихъ главную основу и задачу. Въ виду всего этого „вліяніе на членовъ ихъ общаго комманы оказывается благотворнымъ“, какъ объ этомъ заявляетъ докладъ (стр. 146), только съ точки зрѣнія германизма, такъ какъ „умѣніе сохранить между студентами порядокъ“ (докладъ, стр. 141) во время студенческихъ волненій объясняется полнымъ равнодушіемъ и нежеланіемъ примыкать къ чему либо русскому. „Это отчужденіе отъ университета корпорацій особенно сказывается во время ихъ торжественныхъ собраній, когда съѣзжаются филистры, и когда ихъ цѣпъныя шапочки, запрещенныя для студентовъ, появляются во множествѣ на улицахъ, привлекаютъ вниманіе полиціи и служатъ поводомъ къ недоразумѣніямъ и протоколамъ“ (докладъ о сужденіяхъ Правленія, стр. 5). Изъ всего изложеннаго ясно, что, такъ какъ подобныя Юрьевскія корпораціи являются прямымъ противодѣйствіемъ обрусѣнію прибалтійскаго края, составляющему главную цѣль реформъ Императора Александра III, грустно дѣйствуя на національное чувство каждаго русскаго студента; ихъ общій коммандъ официально не утвержденъ“ (докладъ, стр. 142) и въ циркулярѣ г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 Іюля 1899 г. за № 17287 они признаются „не только излишними, но и вредными для спокойнаго теченія академической жизни,“ то всѣ онѣ должны быть немедленно и безусловно запрещены, что и составляетъ нашъ отвѣтъ на вопросъ 19 (II) (докладъ, стр. 140). Возвращаясь къ тому-же вопросу объ организаціи студенческихъ обществъ, единственную пользу отъ которыхъ для ихъ членовъ мы видимъ единственно въ обеспеченіи имъ удовлетворенія насущныхъ и главныхъ жизненныхъ потребностей въ смыслѣ пріисканія соотвѣтствующаго помѣщенія, стола и т. п., причемъ при нормальной постановкѣ дѣла ни одо изъ такихъ обществъ не могло-бы остаться безъ надзора со стороны университетскаго начальства, мы считаемъ самымъ удачнымъ способомъ разрѣшенія всѣхъ этихъ задачъ организацію университетомъ доступныхъ для студентовъ общежитій. Не говоря уже о томъ, что, благодаря ихъ существованію, мноіе изъ студентовъ были-бы избавлены отъ обычныхъ, сопряженныхъ съ пребываніемъ въ чужомъ городѣ, заботъ, крайне мѣшающихъ нормальному ходу ихъ занятій, устройство въ ихъ помѣщеніяхъ обширныхъ залъ, которыя могли-бы служить общими столовыми, читальными и т. п., давало-бы возможность ихъ обитателямъ видѣться другъ съ другомъ и съ другими товарищами и обсуждать общія дѣла, находясь

въ тоже время подъ непосредственнымъ наблюденіемъ управляющаго такимъ общежитіемъ члена университетской инспекціи, чѣмъ при честномъ отношеніи къ дѣлу конечно устранится возможность повторенія теперешнихъ Юрьевскихъ нѣмецкихъ корпораций; правила такихъ общежитій, одинаковыя для всѣхъ, должны быть выработаны министерствомъ. Если-же учрежденіе такихъ общежитій университетами встрѣтило-бы какія либо препятствія, напр. съ финансовой стороны, то единственною, пригодною для русскихъ университетовъ формою студенческихъ организацій, мы считаемъ учрежденіе одного общаго для всѣхъ желающихъ студентовъ мѣстнаго университета клуба, вродѣ того, чѣмъ являются во многихъ губернскихъ русскихъ городахъ дворянскія, купеческія, военныя собранія, имѣющія цѣлью общеніе всѣхъ лицъ одного класса или рода дѣятельности. Наконецъ, что касается вопроса объ учрежденіи званія курсовыхъ старостъ, то мы не видимъ въ введеніи его совершенно никакой надобности, потому что ежедневный опытъ показываетъ, что и безъ его существованія студенты всегда выбираютъ изъ своей среды двухъ, трехъ лицъ для заявленія профессору о своихъ нуждахъ: вродѣ просьбы объ изданіи лекцій, переносѣ часа или дня чтенія лекцій на болѣе для нихъ удобный и т. п., а между тѣмъ существованіе званія старосты и облученіе имъ одного или двухъ лицъ изъ курса можетъ привести къ злоупотребленію имъ и къ отвлеченію отъ занятій, налагая на подобныхъ старостъ многочисленныя, разнообразныя порученія отъ однокурсниковъ.

Вопросъ 17. Почти тоже самое приходится намъ сказать и относительно введенія особаго студенческаго суда, который, особенно въ случаѣ возстановленія университетскаго суда (вопросъ 16), является въ нашихъ глазахъ уже совершенно лишнимъ. Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что послѣднія студенческія волненія лучше всего показываютъ, что нашу университетскую молодежь далеко нельзя считать зрѣлою для того, чтобы самостоятельно разобраться въ весьма несложныхъ явленіяхъ ихъ студенческой жизни и имѣть возможность придти къ благоразумному рѣшенію, такъ какъ частныя бесѣды обнаруживаютъ явное вліяніе во время подобныхъ волненій на общую массу небольшой группы вожаковъ, что легко можетъ повторяться и при студенческомъ судѣ, опять таки самое существованіе суда дастъ поводъ студентамъ гораздо чаще обращаться къ нему, чѣмъ это можетъ быть явится необходимымъ въ дѣйствительности, и раздувать такіа дѣла, которыя въ противномъ случаѣ легко могли-бы быть улажены путемъ обоюднаго соглашенія между обѣими сторонами, что весьма нерѣдко имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Подобный судъ явится новымъ поводомъ отвлеченія студентовъ отъ ихъ обычныхъ занятій, которое, будучи еще связано съ канцелярскою частью въ формѣ составленія протоколовъ засѣданій, мотивировкою рѣшеній, какъ это предлагаетъ докладъ комиссіи (стр. 127), и т. п., врядъ-ли можетъ способствовать успѣху хода научныхъ занятій, озабоченныхъ ею лицъ.

Вопросъ 18. Имѣя уже случай высказаться разъ попутно (вопросъ 1) о постановкѣ должности инспектора студентовъ, мы напомнимъ еще разъ, что, видя успѣхъ университетскаго дѣла въ согласномъ, обоюдномъ дѣйствіи всѣхъ его частей, особенно важномъ въ случаѣ разныхъ виѣшнихъ нарушеній его обычнаго хода, мы считаемъ это осуществимымъ только при полномъ подчиненіи ректору всей инспекціи, хотя и весьма не лишней въ мирное время, но зато, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ докладъ (стр. 128), „совершенно безсильной во время студенческихъ волненій“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, является-ли подобное безсиліе результатомъ ея личныхъ свойствъ или чего-либо другого, во всякомъ случаѣ для обезпеченія ея на будущее время, на случай возникновенія подобныхъ волненій, средствами подавленія ихъ въ стѣнахъ университета мы считаемъ необходимымъ предоставленіе инспекціи возможности въ подобныхъ случаяхъ прибѣгать къ услугамъ, какъ городской полиціи, такъ и мѣстныхъ войскъ, безъ чего никакая инспекція, ни при какой ея организациі не будетъ имѣть при подобныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ ровно никакого значенія уже въ виду одной ея малочисленности. Въ противоположность неразъ высказываемому различными лицами мнѣнію о невозможности употребленія подобныхъ средствъ въ „храмѣ науки“, мы считаемъ ихъ положительно необходимыми въ тѣхъ случаяхъ, когда святость этого „храма“, весьма нерѣдко за послѣднее время, самымъ nepозволительнымъ образомъ нарушается другими лицами, приводя къ полному прекращенію его научной дѣятельности до конца семестра. Это послѣднее, будучи весьма неудобнымъ для благомыслящихъ студентовъ, которые вопреки своему желанію ставятся въ необходимость прерывать свои занятія, и свидѣтельствуя якобы о безсиліи университета сохранить порядокъ въ своихъ стѣнахъ, даетъ поводъ бунтарямъ, которые не могутъ додуматься до объясненія возможности всего этого снисходительнымъ отношеніемъ начальства къ ихъ безразсудству, возобновлять свои попытки и на будущее время. Дѣятельностью органа, наблюдающаго за студентами, которую докладъ при нормальномъ теченіи университетской жизни находитъ весьма малою (стр. 131), въ случаѣ учрежденія студенческихъ общежитій, о которыхъ мы говорили выше (вопросъ 15), могло бы быть также наблюденіе и за ними. Наконецъ, предоставляя вопросъ объ организациі штата инспекціи мнѣнію большинства, мы рѣшительнымъ образомъ возстаемъ противъ совмѣщенія должностей инспектора студентовъ и профессора въ формѣ проректора (докладъ, стр. 137), такъ какъ, кромѣ того что находимъ для профессора несеніе полицейскихъ обязанностей неподходящимъ, совмѣщеніе ихъ при надлежащемъ исполненіи служебнаго дѣла съ научною дѣятельностью считаемъ и невозможнымъ.

Вопросъ 19. Къ числу первыхъ и неотложныхъ „особенностей устройства Юрьевского университета, которыя должны быть введены вновь въ виду мѣстныхъ условій“, относится несомнѣнно учрежденіе при универси-

тетѣ подобающей по своему благоустройству и помѣстительности православной церкви, которая, будучи мѣстомъ духовнаго единенія профессоровъ и студентовъ, является болѣе важною чѣмъ всякія помѣщенія для различныхъ студенческихъ обществъ или корпорацій. Домовая церковь при университетѣ существуетъ и теперь, но, не говоря уже о томъ, что ея помѣщеніе въ третьемъ этажѣ въ низенькой комнатѣ одного изъ бывшихъ ученыхъ кабинетовъ сравнительно съ помѣщеніемъ въ специальномъ, отдѣльномъ зданіи евангелическо-лютеранской университетской церкви является оскорбительнымъ для всякаго православнаго русскаго чловѣка, самыя ея ограниченныя размѣры, если и могли быть достаточными при ея учрежденіи, при зарожденіи въ университетѣ русской жизни, то давно уже не удовлетворяютъ потребностямъ настоящаго времени. Дѣйствительно, если принять во вниманіе существованіе въ городѣ единственной православной Успенской церкви, также довольно органиченной по размѣрамъ и уже совершенно неудобной по устройству и расположенію, даже при отсутствіи въ университетѣ занятій и опустѣніи города во время лѣтнихъ вакацій всегда переполненной молящимися, и первую главную комнату съ весьма узкою дверью во вторую комнату православной университетской церкви, сплошь наполненную въ дни торжественнаго богослуженія профессорами съ ихъ семействами, воспитанниками мѣстной мужской и ученицами женской гимназіи съ ихъ преподавателями, да еще многими посторонними лицами, то станетъ понятно, что другого мѣста для студентовъ какъ въ крошечной второй комнатѣ, изъ которой совершенно не видно богослуженія и изображенія иконъ, которая не вмѣщаетъ и двадцатой части ихъ и, будучи проходною, вообще крайне неудобна, — не остается. При этомъ обращаемъ еще вниманіе на то, что все это имѣетъ мѣсто при существованіи въ городѣ католическаго костела, специальной, вполне благоустроенной, университетской, протестантской церкви въ университетѣ, главный контингентъ слушателей котораго, состоя изъ семинаристовъ, едвали не болѣе чѣмъ студенты всѣхъ другихъ русскихъ университетовъ имѣетъ привычку и ощущаетъ потребность въ посѣщеніи храма, который въ силу вышесказаннаго былъ бы весьма полезенъ и для многихъ другихъ православныхъ жителей города. Принимая во вниманіе, что на основаніи отчета о составѣ студентовъ Юрьевского университета къ 15 октября 1900 г. таковыхъ православнаго вѣроисповѣданія числилось 1027 и евангелическо-лютеранскаго 402, было-бы всего естественнѣе и проще съ финансовой точки зрѣнія устроить обмѣнъ помѣщеній для православной и евангелическо-лютеранской университетскихъ церквей, чѣмъ была-бы исправлена неудовлетворительность настоящаго помѣщенія первой и нисколько не нарушено выраженное докладомъ (стр. 140) желаніе о сохраненіи при университетѣ второй.

I. Переходя къ затронутому докладомъ комиссіи (стр. 138) вопросу о богословскомъ факультетѣ, мы не можемъ не обратить вниманія на то

печальное явленіе, что, хотя, какъ припоминаетъ это докладъ (стр. 139), богословскій факультетъ существуетъ при Юрьевскомъ университетѣ, „основанномъ по Державнымъ словамъ его Августѣйшаго Учредителя для всей Россійской имперіи“, но среди представителей этого факультета до сего времени встрѣчаются лица, оказывающія полнѣйшее пренебреженіе и невниманіе къ той-же Россійской имперіи, выражающееся въ открытомъ заявленіи о совершенномъ незнакомствѣ и непониманіи языка той страны, которая, будучи далеко не послѣднею на земномъ шарѣ, служить кромѣ того для нихъ мѣстомъ дѣятельности и жительства. Дѣйствительно, хотя докладъ и говоритъ (стр. 139—140), что „для богословскаго факультета, по характеру своему соприкасающагося съ цѣлымъ рядомъ наукъ историческихъ, филологическихъ и юридическихъ, является весьма важнымъ стоять въ общеніи съ другими факультетами“, но почти ни одно засѣданіе Совѣта Университета не обходится безъ требованія со стороны членовъ богословскаго и другихъ факультетовъ переводовъ сказаннаго или прочитаннаго на нѣмецкій языкъ въ виду ихъ незнакомства съ главнѣйшимъ предметомъ не только филологическихъ факультетовъ русскихъ университетовъ но даже и среднихъ и низшихъ учебныхъ завѣденій — именно съ русскимъ языкомъ. Подобное явленіе, приводящее къ совершенно бесполезной затяжкѣ засѣданій и тратѣ времени на выслушиваніе скучныхъ переводовъ, ложится весьма тяжелымъ бременемъ на тѣхъ изъ присутствующихъ, голова которыхъ, привыкшая постоянно работать, осуждена во время подобныхъ переводовъ на совершенное бездѣйствіе. Поэтому мы полагаемъ, что, если богословскій факультетъ и можетъ быть сохраненъ при какомъ нибудь изъ русскихъ университетовъ, то онъ никоимъ образомъ не долженъ „быть сохраненъ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ существуетъ нынѣ“ (докладъ, стр. 140), а только при условіи пополненія его представителями, съ одной стороны не стоящими въ такомъ-же отношеніи въ Берлину, какъ іезуиты къ Риму, а съ другой болѣе образованными въ смыслѣ знакомства ихъ съ государственнымъ языкомъ той страны, на службѣ у которой они состоятъ. Къ числу-же особенностей Юрьевскаго Университета, которая должна быть введена вновь въ виду мѣстныхъ условій, мы считаемъ нужнымъ въ виду вышеизложенныхъ мотивовъ присоединить прекращеніе приглашеній къ участию въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ Совѣта и Факультета лицъ, незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, до времени усвоенія или по крайней мѣрѣ пониманія его ими, не требующаго излишнихъ и оскорбительныхъ для русскаго гражданина въ родномъ государствѣ постоянныхъ переводовъ на нѣмецкій, могущихъ быть объяснимыми только явнымъ пренебреженіемъ къ русскому языку со стороны постоянного мѣстнаго жителя Юрьева.

II. (см. стр. 7).

III. Что касается кафедръ мѣстнаго гражданскаго права прибалтійскихъ губерній, относительно которой докладъ (стр. 146—147) замѣчаетъ, „что ея нѣтъ

ни въ одномъ изъ прочихъ русскихъ университетовъ” и выражаетъ желаніе о сохраненіи ея впредь и на будущее время, то уже самый фактъ несуществованія ея въ другихъ университетахъ заставляетъ насъ сильно сомнѣваться въ необходимости и полезности ея для студента-юриста вообще, такъ какъ можно думать, что всѣмъ юристамъ, кончающимъ курсъ Юрьевскаго университета и стекающимся въ него со всѣхъ концовъ обширной Россіи, не приходится служить только въ трехъ ея губерніяхъ, въ силу чего означенный курсъ мѣстнаго права является для огромнаго большинства изъ нихъ совершенно лишнимъ. Съ другой стороны неоставляющая насъ надежда на то, что въ недалекомъ будущемъ три губерніи прибалтійскаго края будутъ жить вполне общею жизнью со всею остальною Россіею и будутъ пользоваться ея общими законами, дѣйствующими въ сосѣдней, рядомъ лежащей съ ними, столичной ея губерніи, даетъ намъ поводъ высказать ту мысль, что, можетъ быть, было-бы гораздо полезнѣе въ цѣлихъ тѣснѣйшаго сближенія, какъ прибалтійскаго края, такъ и Юрьевскаго университета съ остальными частями ихъ общаго отечества ввести въ прибалтійскомъ краѣ общее гражданское русское право, вслѣдствіе чего означенная кафедра упразднится совсѣмъ и избавитъ университетъ отъ лишняго расхода по содержанію для нея отдѣльнаго профессора. Это было-бы тѣмъ болѣе своевременно и цѣлесообразно, что со времени присоединенія прибалтійскихъ губерній прошло уже болѣе чѣмъ достаточно времени для того, чтобы продолжать смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто особенное, хорошій примѣръ чему даютъ намъ наши западные сосѣди.

VIII. Указывая на то, „что Юрьевскій университетъ лежитъ въ мѣстности, гдѣ большая часть образованнаго общества говоритъ на нѣмецкомъ языкѣ,“ поправкою чему должна служить замѣна слова „образованнаго“ словомъ зажиточнаго, и видя возможность для русскихъ студентовъ Юрьевскаго университета „усвоить этотъ языкъ практически, на каждомъ шагу сталкиваясь въ жизни съ людьми, говорящими почти исключительно по нѣмецки,“ докладъ (стр. 154) „признаетъ необходимымъ возбудить въ Совѣтѣ вопросъ, не желательно-ли организовать при историко-филологическомъ факультетѣ семинарію для приготовленія преподавателей нѣмецкаго языка.“ Обращая прежде всего вниманіе на то, что, благодаря постепенному обрусѣнію Юрьевскаго университета и систематически сторонящемуся отъ всего русскаго обществу нѣмцующихъ эта возможность „столкновенія на каждомъ шагу“ послѣднихъ съ русскими студентами ограничивается въ настоящее время почти единственно договорами о наймѣ помѣщенія или пользованіи столомъ, дальше чего семинаристу по его практическому незнакомству съ нѣмецкимъ языкомъ идти почти и невозможно, и не видя ни малѣйшаго повода для установленія между ними болѣе тѣсныхъ сношеній въ дальнѣйшемъ, мы не можемъ признать высказанное предположеніе о возможности благотворнаго вліянія мѣстнаго общества нѣмцующихъ на достиженіе указанной цѣли пра-

вильнымъ. Полагая далѣе, что преподаваемые въ университетѣ науки должны усвоиваться студентами въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія, гдѣ-бы онъ ни находился, а не въ гостинныхъ мѣстныхъ обывателей или увеселительныхъ садахъ, мы рѣшительно не понимаемъ, почему при правильной постановкѣ преподаванія нѣмецкаго языка въ предполагаемой для открытія семинаріи предпочтеніе должно быть отдано Юрьеву, жизнь въ которомъ для пріѣзжаго русскаго человѣка вообще обставлена многими неудобствами и который въ данномъ случаѣ является прямо неподходящимъ уже потому одному, что неизбѣжное переполненіе [подобной семинаріи мѣстными, уже заранѣе онѣмеченными, уроженцами, если и доставило-бы въ будущемъ персоналъ преподавателей нѣмецкаго языка для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то весьма незавидный въ силу все того-же, весьма слабаго знакомства съ русскимъ языкомъ лицъ мѣстнаго кореннаго населенія, не говоря уже о партіи нѣмцующихъ. Наконецъ, принимая во вниманіе, что нѣмецкій языкъ въ прибалтійскомъ краѣ вовсе не принадлежитъ къ мѣстнымъ народнымъ нарѣчіямъ, а есть не болѣе какъ языкъ, навязываемый коренному населенію группою нѣмцующихъ, совершенно не признающихъ русскаго языка до полного незнакомства съ нимъ, примѣръ чему мы встрѣчаемъ въ политикѣ шведомановъ въ Финляндіи, то для университета было-бы болѣе чѣмъ странно путемъ эксплуатаціи для собственныхъ цѣлей этого ненормальнаго отношенія къ русскому дѣлу группы лицъ какъ-бы узаконять его, вводя въ общество нѣмцующихъ, между которыми, кстати сказать, встрѣчаются лица мѣстнаго происхожденія въ нѣмецкомъ языкѣ довольно слабыя, молодые, свѣжія, преданныя своему отечеству, языку и религіи русскія силы.

XI. Исходя изъ мысли о желательности для университета вообще имѣть возможность знакомить своихъ слушателей съ возможно большимъ числомъ предметовъ науки и вполне присоединяясь къ мнѣнію Историко-Филологическаго факультета (стр. 31) о необходимости имѣть въ числѣ своихъ преподавательскихъ силъ лекторовъ мѣстныхъ народныхъ латышскаго и эстонскаго языковъ, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ по поводу предлагаемаго докладомъ (стр. 158) преобразованія каждой изъ этихъ лектуръ въ соотвѣтствующія профессуры. Прежде всего отмѣтимъ еще разъ то, что самъ Историко-Филологическій Факультетъ въ своемъ докладѣ считаетъ званіе лектора совершенно достаточнымъ для возможности вести преподаваніе вышеуказанныхъ языковъ и, если докладъ комиссіи (стр. 157) указываетъ на существованіе профессуры финскихъ языковъ при Казанскомъ университетѣ, то, насколько намъ это извѣстно, означенная профессура имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи всѣ эти языки вообще, а не какой нибудь одинъ изъ нихъ въ частности и въ томъ-же Казанскомъ университетѣ вовсе не существуетъ профессуры татарскаго языка, который также принадлежитъ къ одному изъ тамошнихъ мѣстныхъ нарѣчій. Область вѣдѣнія и преподаванія профессуры исключительно эстонскаго или латышскаго языка представляется намъ настолько ограничен-

ною, что мы могли-бы её сравнить въ нашей области знанія, напр., съ профессурою начертательной геометріи, которая, если и читается въ нѣкоторыхъ университетахъ какъ отдѣльный предметъ, то спеціальной профессуры ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ для нея не существуетъ. Въ силу этихъ соображеній и принимая во вниманіе связанныя съ преобразованиемъ званія двухъ лекторовъ въ профессоровъ денежные расходы для университета, а также сравнительно небольшую область пользованія означенными языками, мы полагали-бы, сохраняя для нихъ спеціальныхъ лекторовъ, болѣе полезнымъ для филологическаго факультета обзавестись, напр., профессоромъ китайскаго языка, увеличеніе контингента знакомыхъ съ которымъ лицъ русскаго происхожденія было-бы вообще весьма желательнымъ въ виду политическихъ событій недавняго времени.